

Сьюзен Элизабет
Филлипс

Ну разве она
не милашка?

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф53

Серия «Мини-Очарование: Лучшее»

Susan Elizabeth Phillips
AIN'T SHE SWEET?

Перевод с английского *Т.А. Перцевой*
Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Филлипс, Сьюзен Элизабет.

Ф53 Ну разве она не милашка? : [роман] / Сьюзен Элизабет Филлипс ; [пер. с англ. Т. А. Перцевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 448 с. — (Мини-Очарование: Лучшее).

ISBN 978-5-17-107663-4

Эту девчонку ненавидел весь городок...

Она разбивала юношеские сердца, ссорила подружек и многим испортила жизнь.

Когда она уехала, городок вздохнул с облегчением.

И вот теперь — пятнадцать лет спустя — она вернулась!

Бывшая лучшая подруга мечтает о мести...

Ревнивая соперница плетет интриги...

А брошенный поклонник, ныне ставший самым богатым и преуспевающим человеком в городке, — чего хочет он?

Это самое интересное!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Susan Elizabeth Phillips, 2004
© Перевод. Т.А. Перцева, 2005
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-107663-4

Глава 1

— Боюсь, — призналась Пен, — что я не слишком благо нравна. Тетя говорит, что мое воспитание оставляет желать лучшего.

Джорджетт Хейер. «Коринфянин»

Паршивая овца, необузданный отпрыск городка Парриш, штат Миссисипи, вернулась в город, который некогда оставила навсегда.

Шугар Бет* Кэри отвернулась от залитого дождем лобового стекла и уставилась на отвратительного пса, лежавшего рядом с ней на пассажирском сиденье.

— Знаю, Гордон, о чем ты думаешь, так что давай не стесняйся, можешь высказаться. Размышляешь, как низко пали сильные мира сего? — Шугар Бет горько рассмеялась. — Ну и иди на хрен. Только... — Глаза снова защипало, и она поспешно сморгнула непрошенные слезы. — Простю... иди на хрен.

Гордон поднял голову и презрительно ухмыльнулся. Он явно считал ее швалью.

— Только не я, приятель.

Этот день в конце февраля выдался таким холодным, что она вздрогнула и поспешила включить обогреватель своего древнего «Вольво».

— Гриффин и Дидди Кэри правили этим городом, а я была их принцессой. Девчонкой, вполне способной поста-

* Шугар Бет — сладкая Бет (англ.), типичное прозвище девочек-южанок. — *Здесь и далее примеч. пер.*

вить весь мир на уши, — объявила она. И тут же услышала воображаемый взрыв смеха чистокровного бассета.

И ничего не скажешь: она, Шугар Бет, бывшая принцесса, теперь так же потрепана жизнью, как ряд домиков под крышами из оцинкованного железа, мимо которых сейчас проезжала. Длинные светлые волосы, ниспадавшие локонами на плечи, уже не блестели так ярко, как когда-то, а крошечные золотые сердечки в ушах больше не отплясывали задорный танец. Пухлые губки давно потеряли способность изгибаться в кокетливой улыбке, а румяные кукольные щечки лишились своей первозданной невинности еще три мужа назад.

Правда, густые ресницы по-прежнему обрамляли изумительно чистые голубые глаза, но тончайшая паутина морщинок уже начала рисовать гусиные лапки в уголках. Тогда, пятнадцатью годами раньше, лучше ее в Паррише не одевалась ни одна девушка, но теперь у высоких сапог с тонкими шпильками протерлась подошва, а вязаное алое облегающее платье со скромным высоким воротом и юбкой, далеко не столь скромной длины, куплено не в дорогом бутике, а в магазине дешевых товаров.

Парриш начал свое существование в восемьсот двадцатом году как хлопковый городок северо-восточной части Миссисипи, а позже избежал факелов поджигавшей без разбора дома всех южан оккупационной армии Союза, поскольку женское население коварно обрушило на парней в синих мундирах такую силу неувядающего очарования и неутомимого южного гостеприимства, что ни у кого не хватило совести чиркнуть первой спичкой. Шугар Бет была прямым потомком тех женщин, но в дни, подобные этому, не слишком хотелось об этом вспоминать.

Подъезжая к Шорти-Смит-роуд, она включила «дворники» и всмотрелась в двухэтажное здание, стоявшее на окраине города, пустое и тихое в этот воскресный вечер. Благодаря финансовым вливаниям и безза-

стенчивому давлению ее отца на городские власти средняя школа города Парриш до сих пор считалась одним из немногих успешных экспериментов по десегрегированному бесплатному обучению в сердце «глубокого Юга». Когда-то она полновластно царила в этих коридорах. Решала, кому сидеть за лучшим столиком в кафетерии, кому из мальчишек следует назначать свидания и можно ли носить сумочку под Гуччи, если твой отец не Гриффин Кэри и ты не можешь позволить себе оригинал. Божественная блондинка, она безраздельно правила всей школой.

И хотя не всегда бывала милостивым диктатором, ее власть редко оспаривалась. Даже учителями. Один из них попытался было... но Шугар Бет быстро поставила его на место. Что же до Уинни Дэвис... сколько шансов было у неуклюжей, застенчивой деревенщины против силы и могущества Шугар Бет Кэри?

Глядя сквозь февральскую морось на обшарпанное здание, она вдруг словно слышала музыку, любимые когда-то мелодии: «INXS», «Майами саунд машин», Принц... В те дни, когда Элтон Джон пел «Свечу на ветру», он пел о Мэрилин.

Средняя школа. Последний раз, когда она владела всем миром.

Гордон пукнул.

— Господи, как я ненавижу тебя, паршивый пес!

Пренебрежительная гримаса Гордона лучше всяких слов говорила, что ему наплевать. Впрочем, теперь и ей тоже.

Она проверила счетчик топлива. Бак почти пуст, но не хотелось без крайней необходимости тратить деньги. К тому же, если во всем искать светлую сторону, кому нужен бензин, когда конец дороги вот он, рядом?

Шугар Бет свернула за угол и увидела пустой участок, отмечавший место, где когда-то стоял дом Райана. Райан Галантайн. Ее Кен. Шугар Бет Кэри.

Его Барби. Самый популярный мальчик. Самая популярная девочка. Любовь до гроба.

Она разбила его сердце на первом же курсе «Старого Миса»*, когда трахнулась с Дарреном Тарпом, звездой-спортсменом, ставшим ее первым мужем.

Шугар Бет вспомнила, с каким видом Уинни Дэвис поглядывала на Райана, когда воображала, что никто не видит. Можно подумать, у нескладной простушки, общего посмешища, парии был хоть малейший шанс завоевать очаровашку Райана Галантайна. Кружок подружек Шугар Бет, называвших себя «Сивиллы», буквально в штанишки писали, надрываясь от смеха у нее за спиной!

Воспоминание еще больше расстроило Шугар Бет.

Приближаясь к центру города, она заметила, что Парриш сумел по достоинству использовать новоявленную славу места действия и главного персонажа документального бестселлера «Последний полустанок на границе с нигде». Новое экскурсионное бюро сумело привлечь стабильный поток туристов, и вообще город просто расцвел. Тротуар перед пресвитерианской церковью больше не пестрел выбоинами, а уродливые уличные фонари, при которых она выросла, сменились новыми, стилизованными под конец девятнадцатого века. Исторические дома на Тайлер-стрит, относящиеся еще к середине девятнадцатого столетия, в викторианском и греческо-ренессансном стиле гордились свежавыкрашенными фасадами, а купол псевдоитальянского уродства мисс Юлейли Бейкер украшал новехонький медный флюгер. Шугар Бет и Райан обжимались в переулке за этим домом в ночь перед той, когда дошли до конца.

Шугар Бет свернула на Бродвей, главную улицу города длиной в целых четыре квартала. Стрелки часов на здании суда, прежде замершие на десяти минутах одиннадцатого,

* Имеется в виду Миссисипский университет.
Расположен в г. Юниверсити.

теперь возобновили свой бег по кругу, а фонтан в парке сбросил многолетние наслоения сажи. Банк вместе с полудюжиной других административных зданий приобрел навесы в бордово-зеленую полоску, а флага конфедерации нигде не было видно.

На Вэлли она свернула налево и проехала еще квартал до старого заброшенного железнодорожного вокзала. До начала восьмидесятых здесь раз в день проезжал Миссисипи-Сентрал. В отличие от других строений в деловой части города вокзал нуждался в капитальном ремонте и тщательной уборке.

Совсем как она.

Больше откладывать не было терпения, поэтому она направилась к Мокингберд-лейн и дому, известному как Френчменз-Брайд*.

Хотя Френчменз-Брайд не относился к историческим домам, все же считался лучшим в городе: со своими взметенными к небу колоннами, широкими верандами и изящными эркерами. Чудесный и весьма удачный синтез стилей плантатора-южанина и королевы Анны, дом стоял на невысоком пригорке, в глубине улицы в окружении магнолий, азалий, багрянника и кустов кизила. Именно здесь и выросла Шугар Бет.

И как все исторические дома на Тайлер-стрит, этот тоже был ухожен. На ставнях блестел слой черной краски, а фрамуга над дверью светилась отраженным светом люстры в передней.

Шугар Бет давно вычеркнула из жизни город и его новосты, если не считать отрывочных сплетен, время от времени передаваемых тетей Таллулой, поэтому понятия не имела, кто купил дом. Впрочем, все к лучшему. У нее и без того в избытке есть кого ненавидеть начиная с себя самой. Да, будем справедливыми, в списке личных врагов ее имя стоит первым.

* Невеста француза (англ.).

Френчменз-Брайд был одним из трех домов на Мокингберд-лейн. Она уже миновала первый, двухэтажное здание в романтическом французском колониальном стиле. Хозяев этого дома она знала. Но ее целью был третий дом. Принадлежавший тете Таллуле.

Гордон пошевелился и сонно вздохнул. Пес был редким негодяем, но ее покойный муж Эммет любил его, поэтому Шугар Бет считала своим долгом оставить Гордона у себя, пока не сможет найти ему новых хозяев. Однако ей явно не везло. Не было такого дурака, который польстился бы на бассета с необратимым изменением личности.

Дождь полил еще сильнее, и она, кажется, заблудилась. Пропустила заросшую сорняками подъездную дорожку, выходящую по другую сторону высокой живой изгороди, образовавшей естественную восточную границу усадьбы Френчменз-Брайда. Щебень давно смыло ливнями, и изношенные амортизаторы «Вольво» протестовали против ритвин.

Каретный сарай выглядел еще более убого, чем она помнила, но поросший мхом кирпич со следами бывлой побелки, двойной фронто́н и острая поката́я крыша придавали ему некое сказочное очарование. Выстроенный в то же время, что и Френчменз-Брайд, он никогда не принимал в своих стенах ничего хотя бы отдаленно напоминавшего карету, но ее бабушка считала слово «гараж» вульгарным. В конце пятидесятых строение отремонтировали и приспособили под жилище тети Таллулы. Тут она и провела остаток жизни, а после смерти завещала Шугар Бет в числе другой собственности. Воистину тонкая месть, ибо тетя Таллула никогда не одобряла поступки племянницы.

«Я знаю, Шугар Бет, ты вовсе не хотела быть тщеславной и эгоистичной, благослови тебя Господь. Уверена, что когда-нибудь ты вырастешь и поймешь, как это нехорошо».

Тетя Таллула считала, что может сколько угодно оскорблять племянницу, если при этом просит Господа благословить ее.

Шугар Бет перегнулась через сиденье и открыла дверцу для Гордона.

— Ну же, приятель, давай беги.

Пес не любил мочить лапы, о чем свидетельствовал красноречивый взгляд, призывающий хозяйку внести его внутрь.

— Угу, вот только шнурки поглажу.

Он оскалил зубы.

Шугар Бет схватила сумочку, пакет с остатками самой дешевой собачьей еды, которую только смогла найти, и упаковку с шестью банками коки. Вещи в багажнике пождут, пока дождь не кончится.

Она вышла из машины и пошла к дому, энергично ступая безупречно длинными ногами и не обращая внимания на то, что короткая юбка задралась едва не до пояса.

Гордон, когда хотел, перебирал ногами с редким проворством и сейчас молнией взлетел по ступенькам маленького крыльца, обогнав хозяйку. Зеленая с золотом табличка, прибитая к стене сорок лет назад работником тети Таллулы, гласила:

ЛЕТОМ 1954 ГОДА ЗДЕСЬ ЖИЛ И ТВОРИЛ
ЛИНКОЛЬН ЭШ, ВЕЛИЧАЙШИЙ ХУДОЖНИК-
АБСТРАКЦИОНИСТ АМЕРИКИ

И не только творил, но и оставил Таллуле один из своих драгоценных шедевров, который теперь принадлежал ее племяннице, Шугар Бет Кэри Тарп Загурски Хупер. Картину, которую Шугар Бет следовало найти как можно скорее.

Она выбрала ключ из связки, присланной адвокатом Таллулы, отперла дверь и вошла. На нее немедленно обрушились запахи из мира тетки: мази

«Бен гей», плесени, салата с курицей и недовольства. Гордону оказалось достаточно одного взгляда, чтобы забыть о мокрых лапах и снова выскочить на крыльцо.

Шугар Бет поставила на пол свертки и осмотрелась.

Жилое пространство было до отказа заполнено уютным кошмаром семейных реликвий: пыльные стулья в стиле шератон, столы с поцарапанными ножками в виде львиных лап и шаров, письменный стол эпохи королевы Анны и вешалка для шляп из гнутой древесины, украшенная паутиной. На буфете красного дерева стояли часы Сета Томаса вместе с парочкой уродливых мопсов из китайского фарфора и серебряным сундучком с потемневшей табличкой, благодарившей Таллулу Кэри за многолетнюю преданную службу «дочерям конфедерации».

В обстановке явно не существовало какого-то единого дизайнерского замысла. Старинный восточный ковер состязался по степени изношенности с выцветшей ситцевой обивкой дивана с цветочным узором. Зеленая кожаная, изрядно потертая оттоманка мало гармонировала с пожелтевшим тюлем занавесок. Все же цвета, рисунки, приглушенные временем и старостью, достигли некоей усталой гармонии.

Шугар Бет подошла к буфету и, смахнув паутину, открыла серебряный сундучок. Внутри оказалось двенадцать столовых приборов работы Горэма Шантильи. Сколько Шугар Бет себя помнила, каждые два месяца, обычно по средам, тетя Таллула вынимала отсюда чайные ложечки для приема членов канаста-клуба. Интересно, сколько сейчас могут стоять двенадцать серебряных приборов работы Шантильи?

Вряд ли этого хватит. Ей нужна картина.

Ужасно хотелось писать, желудок сводило от голода, но ей не терпелось добраться до студии.

Дождь не унимался, поэтому она схватила потрепанный старый бежевый свитер, оставлен-

ный Таллулой у дверей, накинула на плечи и нырнула на крыльцо. Через дырку в подошве сочилась дождевая вода, но она упрямо шагала по камням дорожки, огибавшей дом и ведущей в гараж. Старомодные деревянные двери обвисли на петлях. Кое-как повернув ключ в замке, она толкала их плечом, пока не развела в стороны.

Студия осталась точно такой, как ее помнила Шугар Бет. Когда каретный сарай переделали под дом старой девы, Таллула не позволила плотникам уничтожить эту часть старого гаража, где Линкольн Эш когда-то устроил студию. Она довольствовалась меньшей гостиной и узкой кухонькой, оставив здесь все в музейной неприкосновенности. На грубо сколоченных деревянных полках все еще стояли банки с высохшей краской, в которую Эш пятьдесят лет назад окунал кисти, создавая свои шедевры. И поскольку два узких окна пропускали минимум света, он работал с открытыми дверями, кладя холсты на пол. Когда-то тетка прикрыла забрызганный красками половик толстым пластиком, ставшим теперь непрозрачным от грязи, мертвых насекомых и пыли, так что непосвященным было трудно различить, что там, внизу. С краю стояла лестница, тоже веснушчатая от краски и закутанная в полиэтилен. Рядом примостился верстак, на котором в живописном беспорядке были разбросаны ящик для инструментов, целая коллекция древних кистей, ножей, шпателей, словно Эш только сейчас на минутку вышел покурить. Шугар Бет, конечно, не ожидала, что ее вздорная тетка оставит картину у самой двери, но все же это было бы неплохо.

Она подавила вздох. Завтра с утра придется первым делом начать поиски.

Гордон покорно побрел за ней в дом. И когда Шугар Бет включила торшер под бахромчатым абажуром, отчаяние, которое грызло ее весь вечер, наконец по-смело вцепиться в сердце всеми своими клыками.

Пятнадцать лет назад она покинула Парриш в идиотской высокомерной уверенности, что весь мир вертится исключительно вокруг нее. Да и что взять с глупой мстительной девчонки, которая ничего не видит вокруг себя. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. В данном случае последним был мир.

Она медленно подошла к окну и отодвинула пыльную штору. Над высокими кустами живой изгороди виднелись дымовые трубы Френчменз-Брайд. Название осталось от прежней усадьбы. Бабушка Шугар Бет задумала постройку, дед осуществил ее планы, отец модернизировал дом, а Дидди наполнила его своей любовью.

«Когда-нибудь Френчменз-Брайд будет твоим, сладкая детка».

В прежние дни она дала бы волю слезам, сетуя на несправедливость жизни. Теперь же просто опустила штору и отошла, чтобы покормить своего склочного пса.

Владелец Френчменз-Брайд Колин Берн в это время стоял у окна хозяйской спальни на втором этаже. Его внешность на редкость точно передавала мрачную элгантность мужчины из другого, давно прошедшего времени, возможно, даже эпохи Регентства или любой другой, где в ходу были монокли, табакерки и кружевные манжеты. И лицо у него было необычное: длинное, узкое, с острыми скулами и впадинами в виде запятых под ними. Хвостики этих «запятых» переходили в тонкие не улыбающиеся губы. Глубоко посаженные глаза цвета бледного нефрита пронизывали собеседника насквозь. Лицо истинного денди, несколько изнеженное, если бы не нос — длинный, тонкий, можно сказать, аристократический, невероятно уродливый и все же удивительно гармонировавший с остальными чертами.

Фиолетовый бархатный жакет сидел на нем так же естественно, как на ином — спортивная куртка.

Костюм дополняли черные шелковые пижамные брюки и домашние туфли с вышитыми на мысках китайскими иероглифами. Одежда безупречно облегла высокую широкоплечую фигуру, но большие рабочие руки с широкими ладонями и толстыми пальцами позволяли предположить, что Колин Берн может быть вовсе не тем, кем кажется на первый взгляд.

При виде вспыхнувшего в каретном сарае света и без того суровая линия рта стала еще жестче. Итак... значит, слухи верны. Шугар Бет вернулась в родные места.

В последний раз они виделись пятнадцать лет назад. Тогда он и сам был почти мальчишкой. Двадцать два, целиком поглощенный собственными переживаниями, экзотическая птица, прилетевшая в маленький южный городок, чтобы писать свой первый роман и... ах да... в свободное время преподавать в школе. Ничего не скажешь, было нечто утешительное в том, чтобы так долго лелеять обиду. Как все дорогие французские вина, она накапливала градусы, вкусовые качества, приобретала оттенки и нюансы, которых быстрое разрешение конфликта просто не допустило бы.

Его губы тронула легкая улыбка. Пятнадцать лет назад он был бессилен против нее. Не то что сейчас.

Он прибыл в Парриш из Англии, чтобы стать учителем в местной средней школе, хотя не имел ни таланта, ни призвания к этой профессии. Но Парриш, как и остальные мелкие городки штата Миссисипи, отчаянно нуждался в преподавателях, и комитет, состоявший из наиболее известных представителей штата, стремившихся показать молодежи другую жизнь и мир во всем его многообразии, связался с английскими университетами, предлагая лучшим выпускникам места в школах вместе с рабочими визами.

Колин, давно интересовавшийся писателями американского Юга, ухватился за такую возмож-

ность. Существует ли лучшее место для написания великого романа, чем плодovitая литературная почва Миссисипи, родины Фолкнера, Юдоры Уэлти, Теннесси Уильямса, Ричарда Райта? Он составил пространное резюме, где сильно преувеличил свою любовь к преподаванию, собрал хвалебные рекомендации от нескольких профессоров, приложил двадцать страниц едва начатого романа, рассудив — и, нужно сказать, верно, — что штат со столь впечатляющим литературным наследием наверняка выберет будущего писателя. Месяц спустя из Парриша сообщили, что он принят, и вскоре мечтательный юнец отправился в Миссисипи.

Он влюбился в чертово захолустье с первого взгляда: в гостеприимство и традиции, очарование провинциального городишки. А вот с работой повезло не так: из тяжелой она превратилась в невыносимую. И все благодаря Шугар Бет Кэри.

У Колина не было специального, давно продуманного плана мести. Никакого макиавеллиевского замысла, над разработкой которого он проводил бы месяцы и годы. Он никогда бы не дал ей столько власти над собой. Но это еще не означало, что он готов забыть былые оскорбления. О нет. Он просто выжидал, желая посмотреть, куда занесет его писательское воображение.

Обернувшись на телефонный звонок, он поспешил взять трубку и ответить с резким английским акцентом, который не сумели смягчить годы, проведенные в южной глубинке:

— Берн у телефона.

— Колин. Это Уинни. Я несколько раз пыталась тебе дозвониться.

Он работал над третьей главой новой книги.

— Прости, дорогая. Не успел проверить голосовую почту. Что-то важное?

Он отнес телефон к окну. В каретном сарае снова загорелся свет, на этот раз на втором этаже.

— Мы все собрались на потлак*. Парни смотрят заключительный этап «Дейтоны»**, а тебя мы не видели целую вечность. Может, придешь? Мы скучаем по вас, мистер Берн.

Уинни обожала дразнить его, напоминая о былых отношениях учителя и ученицы. Они с мужем были его ближайшими друзьями в Паррише, и на какой-то момент он едва не поддался искушению. Но там, естественно, будут «Сивиллы» и многие другие. Обычно женская болтовня развлекала его, но сегодня он был не в настроении слушать их трескотню.

— Мне нужно еще немного поработать. Пригласи меня в следующий раз, хорошо?

— Конечно.

Колин тупо смотрел в пространство, сожалея, что именно ему придется сообщить неприятную новость.

— Уинни... Свет в каретном сарае.

Несколько мгновений молчания растянулись на целую вечность, прежде чем она ответила, глухо, почти неслышно, без всякого выражения:

— Она вернулась.

— Похоже, что так.

Уинни давно уже не была застенчивым подростком, и теперь под мягким южным выговором прорезались стальные нотки:

— Ну что же. Значит, игра начинается.

Уинни вернулась на кухню как раз в тот момент, когда Линн Перкинс захлопнула свой сотовый.

— Ты не поверишь! — выпалила она, возбужденно блестя глазами.

* Обед или ужин, собранный из того, что есть в наличии. Здесь имеется в виду, что каждый приносит еду с собой.

** Дейтона-500 — знаменитые автогонки, проводимые в городе Дейтона-Бич.